

ВЛАДИМИР ШАРОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕГИПЕТ

*Выбранные места из переписки
Николая Васильевича Гоголя (Второго)*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш26

ISBN 978-5-7516-1580-2

© Владимир Шаров, наследники, 2020

© ИД «Текст», 2020

*Памяти моего друга
Саши Горелика*

Предисловие

У каждого есть территория, где все странно сгущается. В моей жизни это средняя часть Никольской улицы. Здесь в доме № 15, в знаменитой Славяно-греко-латинской академии – на фасаде львы резного камня и солнечные часы – помещается Историко-архивный институт, в котором я в свое время делал диссертацию по Смутному времени. Напротив, на четной стороне Никольской – арка дома № 8,ходишь – и направо церковь Успения Пресвятой Богородицы на Чижевском подворье (между прочим, XVII век), где и сейчас по средам служит священник – отец Глеб Старков, мой еще школьный приятель.

Дальше из первого внутреннего двора во второй – снова арка. В ней непросыхающая лужа на манер миргородской. Обойти ее можно только кромкой у самой стены, но и тут волна от проехавшей, на беду, машины захлестнет по щиколотку. Во втором дворе – прямо и чуть левее – подъезд журнала «Знамя», где в девяносто пятом году у меня печаталась небольшая повесть. Снимая вопросы с редактором, я бывал здесь довольно часто и как-то, уже выйдя на улицу, обратил внима-

ние, что над соседскими дверями новая вывеска — «Народный архив». Несколько дней примеривался, потом зашел, и оказалось, что чуть ли не все, кто здесь работает, мои старые знакомые по другому архивному институту, уже не учебному, а исследовательскому.

В революцию и Гражданскую войну сгорела в буржуйках, просто сама собой затерялась огромная часть семейных архивов — письма, дневники, прочие свидетельства рядового человеческого бытия. Уцелевшее погубил страх. В тридцатые-сороковые годы, боясь ареста, люди дожгли то, что еще осталось. Итог печален. Если судьбу тех, кому повезло так или иначе прославиться, можно восстановить (лакуны, конечно, и здесь), то от частной жизни обычного человека до наших дней дошли лишь разрозненные фрагменты. И вот в девяносто втором году несколько энтузиастов решили эти ошметки собрать. В газетах, на равных — по са-рафанному радио, архив объявил, что без отбора и разбора возьмет документы у всякого, кто их принесет.

При мне Народный архив ютился в трех среднего размера комнатах. В дальней пока еще небольшое хранение. Во второй за школьными столами трудились студенты; в качестве своей архивной практики они по всем правилам науки описывали новые поступления. И третья — пустая, которую на выходных арендовал для своих выставок кошачий клуб, — ее я и облюбовал. Стул брал у соседей, вместо стола был широкий подоконник, картину дополняли: идущая через всю стену сверху вниз трещина сантиметра три шириной — по ту сторону контора, торговавшая тканями (я был посвящен во все тонкости их дела), штабеля кошачьих клеток — на каждой фотографии и имя хо-

зьяки, то же самое плюс возраст и порода кошки; наконец, в углу мой новый друг, настоящий железный человек — трехметровый металлический шкаф без передней панели, а внутри россыпью бобины с перфорированной стальной лентой, мотки разноцветных проводов, лампы, разъемы. В конце семидесятых годов это была современная вычислительная машина, но с тех пор утекло много воды.

Выше я имел случай сказать, что те, кто работал в архиве, относились ко мне как к старому приятелю и папка за папкой несли самое интересное, по возможности выбирая (у меня плохое зрение) машинопись или хороший гимназический, подходил и писарский, почерк. И вот, разложив бумаги на подоконнике, я днями напролет читал чужие письма, дневники и воспоминания.

Помню, что первую коробку (не путать с коробами Розанова) переписки Николая Васильевича Гоголя (Второго) я увидел как раз в день, когда вышел номер «Знамени» с моей повестью. Дальше гоголевские документы поступали в архив безо всякой системы. Казахские письма оказались в шести разных коробках — внутри в двух дюжинах папок — одна была из-под печенья, в другой прежде находились косметические наборы. Помню, была и вторая, «сладкая» с ярлыком Харьковской кондитерской фабрики «Октябрь», остальные три обувные. Сразу должен сказать: нынешняя публикация составила не из самих писем, а из цитат, в сущности, просто выписок, которые я делал по ходу чтения, и уже по одному этому отношению к научной она не имеет. Больше того, в своей массе выдержки (их около тысячи) кратки, отчего редкий фрагмент что-то скажет о письме в целом. Они публикуются без точных дат (как пра-

вило), часто и без соблюдения хронологии. Соответственно единственное назначение данной работы – привлечь внимание к ценному семейному фонду, который с недавних пор сделался доступен. Надеюсь, и дальше останется таким для любого, кто интересуется Николаем Васильевичем Гоголем.

И последнее, что надо сказать. Я провел за чтением гоголевских писем много счастливых часов и все это время сидел у окна, большая часть которого, как в ваннных комнатах, была покрашена белой краской, но внизу и наверху маляр оставил чистые полосы, отчего за стеклом были видны ноги и головы сотрудников журнала. Одни спешили на работу, другие возвращались домой, иногда какая-то пара останавливалась перекинуться несколькими словами. И от этого, оттого, что ноги и головы людей были так разделены и разнесены, помню странное ощущение, что ноги семят в одну сторону, а головы катятся в другую.

P.S. Повторю, в первую коробку попала Колина корреспонденция 56–60-го годов. В это время он жил в Старице, позже попеременно то в Москве у мамы, то в Казахстане. В этой же коробке я нашел тоненькую папку с полутора десятками писем, без которых происхождение фонда было бы вообще непонятно. Ниже – письма 56-го года, так или иначе связанные с освобождением отца и его коротким свиданием со своей бывшей женой, Колиной матерью Марией, дальше – с отъездом отца в Казахстан. Год спустя туда же, в Казахстан, поедет и Коля. Впрочем, в первое время он на равных с Казахстаном будет жить и в Москве, однако затем визиты в столицу сделаются реже, главное – короче.

В первой коробке оказалась и долагерная (включая детскую) Колина переписка (пять отдельных

папок). Весь срок его заключения эти послания пролежали в Вольске, в сарае у Колиной няни Таты; лишь прочно осев в Казахстане, он порциями и безо всякой системы забрал туда и архив.

Вторая коробка заполнена всего на четверть. В ней Колина корреспонденция с 54-го по 56-й год. То есть то, что было написано между его освобождением из лагеря и освобождением отца. Большинство писем тех лет или отправлены из Старицы, или адресованы в этот город. Впрочем, есть и московские.

Остальные коробки – по преимуществу казахская корреспонденция Коли, хотя и тут встречаются московские штемпели. Все это писалось и получалось с 60-го года по 91-й, то есть до дня Колиной кончины. Казахских писем много до начала семидесятых годов, затем Колины главные корреспонденты – его дядья – один за другим уходят из жизни и писать делается некому.

С уважением, В. Ш.

Папка № 1

1993 г. и 1956 г.

Беата — Кате

Из Казахстана со случайной оказией пришло грустное письмо от Сони. Не стало Машиного сына Коли. Больше четверти века он и Соня вдвоем прожили на краю пустыни, теперь она пишет, что схоронила мужа и, если будет возможность, ближе к осени вернется в Москву. Соня написала, что смерть у Коля выдалась легкой; в последнее время он, правда, жаловался, что что-то давит в груди, опухают ноги, но выглядел неплохо, был бодр. А тут перед завтраком, как обычно, пошел пройтись и, спускаясь с крыльца, упал. Она в это время была в огороде, полола морковь и сначала решила, что Коля подвернул ногу, подбежала — он уже не дышит. Было очень жарко, под сорок, если не больше, и, наверное, не выдержало сердце. То есть он совсем не мучился, можно даже сказать, что и не болел.

А вот она, пишет Соня, натерпелась. Ближе к старости Коля так отяжелел, что она чуть не два часа втаскивала тело в дом, потом еще час не знала, как поднять его на кровать. Наконец справилась и села рядом. Хотела вволю поплакать, но то ли от-

того, что слишком устала, то ли потому, что осталась одна, слезы не шли, она просто сидела и думала, что делать дальше.

Было ясно, что на такой жаре ей придется закопать Колю не позднее, чем следующим вечером, ждать, что за это время на заброшенном тракте по соседству кого-то удастся сговорить, глупо. Машины им давно не пользовались, а люди если и забредали, то редко — надеяться на это не стоило. И казахи со своими отарами в июне в их краях были нечастыми гостями. Считалось, что летом травы здесь мало и она плохая, овец пригоняли ближе к осени и пасли два-три месяца, пока на землю не ложился снег.

Дважды все это перебрав, Соня поняла, что хоронить Колю придется самой, без чьей-либо помощи, и стала на пальцах загигать, что у нее получится сделать. Гроб сразу отпал — не было подходящих досок, да и, найдись доски, вряд ли бы она сколотила что-нибудь путное, и Колю в гробу до могилы никогда бы не дотащила. Оставалось хоронить, как давно принято в пустыне — то есть безо всякой домовины, в льняном саване. Его было нетрудно сшить из простыни, на которой Коля сейчас лежал, даже не пришлось бы ворочать, тревожить тело. Понятно, что и кладбища рядом не было. Дом, сад, а дальше во все стороны, насколько хватает глаз, такыр, спекшаяся глина, которую посреди лета не возьмешь и ломом.

Все-таки она думала не только о том, где и как будет хоронить Колю, но и всплакнула, что вот снова осталась одна. Тогда, после смерти первого мужа — доктора Вяземского, Коля принял ее, и они тридцать лет прожили вместе, прожили, можно даже сказать, хорошо, а теперь Коли нет, и у нее уже никогда никого не будет, все равно, останется

она в этой избе или возвратится в Москву. Колю ей тоже было жалко, но меньше, чем себя, потому что еще маленькой она знала, что мир устроен так, что здесь, в этой жизни, ты часто остаешься один, а там, куда мы уходим — даже за вычетом Бога, — всегда много людей, которые тебя любили и теперь будут рады, что ты вернулся. Что касается могилы, то вырыть ее она могла только в саду. За садом Коля ухаживал, земля здесь была жирная, даже в сильную сушь рыхлая, мягкая, и Соня решила, что копать будет под старой яблоней, к веткам которой с незапамятных времен был привязан Колин гамак. Летом после обеда он почти каждый день устраивался тут отдохнуть, читал и отвечал на письма.

Придумала Соня и как быть с дорогой от дома до могилы. Получалось, что лучший вариант — матрас. Приделать к нему постромки из брезента, к ним по своему росту лямки, впрячься и, будто на санях, волоком тащить тело. Все это решив, она еще немного посидела с Колей; прощаясь, говорила ему хорошие слова, но времени было немного, и, взяв с полки нитки с иглой, она, продолжая говорить, стала работать. Сначала, будто полог, сшила над мужем простыню, затем для надежности в три шва приторочила саван к матрасу, дальше, изведя на полосы целый кусок брезента, стала кроить лямки и постромки.

Закончила уже при свечах, взяла в сенях лопату и пошла в сад. Через два дня должно было быть полнолуние, вдобавок, как всегда в пустыне в ясную ночь, звезды крупные, как орехи, и так близко, что их можно взять руками. От всего этого светло, видно каждый листик и каждую веточку. Могилу Соня копала всю ночь и потом еще долго, когда уже рассвело. Наверное, можно было и бы-

стрее, но земля, что бруствером выстроилась по периметру, осыпалась, приходилось снова и снова выкидывать ее из ямы. И все равно могила получалась мелкая, вдобавок узкая, особенно если учесть, что хоронить Колю она решила вместе с матрасом. Но больше сил не было, и Соня объяснила себе, что, чтобы зимой до Коли не добрались волки, она поверх обложит ее кусками известняка. В полдень Соня вернулась домой, поела, потом легла на половик рядом с кроватью и самое жаркое время проспала как убитая.

Соня написала, что будто в награду за то, что все правильно рассчитала и сделала, сами похороны прошли хорошо. На матрасе она аккуратно стянула Колино тело и с кровати, и по ступенькам. Затем довольно долго — и потому, что, как могла, обходила корни других деревьев, и потому, что останавливалась передохнуть — тащила его до яблони. Пока волокла, все думала, как исхитриться, чтобы не уронить Колю, мягко опустить тело в могилу, но ничего не придумала. Однако с этим, слава Богу, обошлось — по осыпающейся земле из отвала матрас съехал, словно на роликах. А что от этого могила стала еще мельче — тут она права — это наименьшее из зол. Единственное, что Соне не удалось, — это сформовать правильный холмик, он получился кривобокий, и таким же кривым вышел крест, который она просто воткнула в землю.

Наталья — Ларисе

Знаешь, я еще весной заподозрила, что Коля собрался уходить. В апреле Соня прислала мне странное письмо про Хиву и про Памир. В Хиве Коля действительно был, и даже, может быть,